

УДК 80/81

**ФРАЗЕОЛОГИЯ КНИГИ ВОСПОМИНАНИЙ
В. НАБОКОВА «ДРУГИЕ БЕРЕГА»***И.В. Кашина***Аннотация**

В статье рассматривается своеобразие стиля В. Набокова, которое проявляется в отборе фразеологических единиц из фразеологического фонда, приемах их обыгрывания и трансформации. Установлено, что выбор фразеологизмов зависит от источника их происхождения, степени архаичности, стилистической принадлежности. Выявлены авторские приемы семантического и структурного преобразования оборотов.

Ключевые слова: фразеологизм, фразеологический историзм, латинизм, библеизм, стилистическая окраска.

Все исследователи отмечают: память, которую В. Набоков часто называл Мнемозиной, является неременной участницей всех его созданий, включая и научный комментарий к «Евгению Онегину». «Другие берега» определены писателем как автобиография, на русском языке книга вышла в 1954 г. в нью-йоркском издательстве имени Чехова и является вторым вариантом воспоминаний, первый же – на английском – вышел в США в 1951 г. под названием “Conclusive Evidence: A memoir” («Убедительное доказательство: Воспоминания»). Сам автор говорил, что смена языка – это не простой перевод: «Переходя на другой язык, я отказывался... от индивидуального, кровного наречия. Долголетняя привычка выражаться по-своему не позволяла довольствоваться на новоизбранном языке трафаретами...» (НВ, с. 25)¹. В своих английских сочинениях Набоков видел «невыносимые недостатки», многим был недоволен, особенно мучительно далась ему книга “Conclusive Evidance”, «...ибо память была настроена на один лад – музыкально недоговоренный русский, – а навязывался ей другой лад, английский и обстоятельный» (с. 26). Перевод этой книги на русский язык Набоков назвал «безумным делом», признавая, по сути, что точный перевод невозможен и был бы «карикатурой Мнемозины». Но он нашел выход: «Удержав общий узор, я изменил и дополнил многое. Предлагаемая русская книга относится к английскому тексту, как прописные буквы к курсиву, или как относится к стилизованному профилю в упор глядящее лицо» (с. 26). Для автора было важно не только передать фактическую сторону пережитого, но и уловить «звон путеводной ноты», то есть тон и настроение. Фактически «Другие берега» – книга, переведенная дважды: русские воспоминания были записаны

---

¹ В дальнейшем все цитаты приводятся по данному изданию лишь с указанием страниц.

на английском языке, а затем вновь возвращены на русский в письменной форме. Таким образом, автор дважды мучительно рассказывал о почти сорокалетнем (1903–1940) периоде своей жизни, и муки эти объясняются не капризами памяти, а сопротивлением языков.

В настоящем художественном произведении нет ничего случайного, ведь, по справедливому утверждению В.В. Виноградова, «в стиле писателя, соответственно его художественным замыслам, объединены, внутренне связаны и эстетически оправданы все использованные художником языковые средства» [1, с. 238]. Художественный текст, рассматриваемый как структурно-семантическое целое [1, с. 284], обнаруживает и создает новые значения и семантические нюансы у лингвистических единиц именно вследствие соединения этих единиц для воплощения авторского замысла; иными словами, внутритекстовые связи языковых единиц открывают авторский взгляд на мир и помогают увидеть неповторимость стиля писателя. Представляется небезынтересным рассмотреть функционирование в автобиографии Набокова фразеологических единиц (ФЕ), своеобразии которых определяется их сверхсловностью и раздельнооформленностью, что создает основу для их обыгрывания. Как правило, писатели обращаются к общенародному фразеологическому фонду, но сам выбор ФЕ из него, приемы их трансформации создают оригинальность идиостиля каждого автора.

В произведении, написанном в 1954 г., встречаем ФЕ, которые к середине XX в. устарели, так как исчезли называемые ими реалии, но они были живы и актуальны в детские годы писателя: *козья ножка*, *волшебный фонарь*, *волчий билет*. Эти фразеологические историзмы восстанавливают хронологическую цепь («прервалась связь времен»): ушедшее детство и ушедшую Россию.

Так, *козья ножка* – ‘инструмент для удаления зубов’ [2, с. 138] – упоминается в следующем примере: «Знаменитый американский дантист в Берлине выкорчевал кое-что *козьей ножкой*, причиняя дикую неприличную боль...» (с. 162) (здесь и далее курсив в цитатах наш. – И.К.). Другой контекст отсылает нас к ФЕ *волшебный фонарь*: «Зимой 1911-го или 12-го года Ленскому взбрела в голову дикая фантазия: нанять... *волшебный фонарь*... и раза два в месяц по воскресеньям устраивать у нас на Морской сеансы общеобразовательного характера... перед группой мальчиков и девочек» (с. 137). Этот оборот фразеологические словари не фиксируют, но он приведен в иллюстративном материале словаря Ушакова: проекционный или *волшебный фонарь* [3, с. 1097]². Еще один фразеологический историзм использован в сравнении; речь идет о начале второй мировой войны, когда данное выражение уже утратило актуальность в русской действительности, но не для автора: «Бледно-зеленый несчастный нансенский паспорт был хуже *волчьего билета*; переезд из одной страны в другую бывал сопряжен с фантастическими затруднениями и задержками» (с. 200). *Волчий билет* (*волчий паспорт*) – ‘в дореволюционной России документ с отметкой о неблагонадежности, закрывающий доступ на государственную службу, в учебные заведения и т. п.’ [5, Т. I, с. 163]. Оборот использован как наименование объекта сравнения, чтобы подчеркнуть ничтожность, незначительность

² Ср.: «...Едва ты вставишь в него [волшебный фонарь] лампочку, как яркие картины запестреют на белой стене! И пусть это будет только мимолетный мираж, все равно, мы, точно дети, радуемся, глядя на него, и восторгаемся чудесными видениями» [4, с. 77].

документа военного времени. Можно утверждать, что так своеобразно, прибегая к архаичным оборотам, Набоков пытается удержать исчезающую Россию.

Исконно русские обороты в русской версии воспоминаний редки: *белая ворона*³, *хлеб-соль, как аришин проглотил*. В традиционной форме встречается лишь оборот *белая ворона*: «Он [голкипер] носит собственную форму... Он *белая ворона*, он *железная маска*, он последний защитник» (с. 193–194). ФЕ *белая ворона* имеет значение ‘человек, резко выделяющийся чем-нибудь среди окружающих его людей, отличающийся чем-либо, не похожий на них’ [7, с. 79]. Попутно следует остановиться на ФЕ *железная маска*, которая употребляется, когда речь идет ‘о таинственном незнакомце, о загадочной, сделавшейся предметом догадок и разговоров личности’ [8, с. 105]. Оба оборота позволяют автору выразить особое восхищение ролью вратаря, оба выделяют среди других личность, индивидуальность, что вызывает симпатию автора, врага всяких групп и сборищ. Если первое выражение исконно русское, то второе является калькой с французского и несет культурологический подтекст: оно обозначает изгоя, таинственного пленника Бастилии, скончавшегося в 1703 г., жертву несправедливости. Это сообщает образу вратаря романтический ореол, пожалуй, для современного читателя более понятный благодаря приключенческому французскому фильму «Железная маска» (1962) с актером Жаном Маре в главной роли. В книге же Набокова оборот двусмыслен: это и таинственная личность, и защитная маска игрока.

ФЕ *хлеб-соль* употреблена своеобразно – с несклоняемым первым компонентом: «Помню одну карикатуру, на которой от него [отца] и от многозубого котоусого Милукова благодарное Мировое Еврейство (нос и бриллианты) принимает блюдо с *хлеб-солью* – матушку Россию» (с. 153). Данный фольклорный оборот со значением ‘угощение’ [7, с. 507] использован при обрисовке политической карикатуры: либералы защищают евреев и будто бы готовы даже поступиться интересами своей родины. Это выражение не всегда фиксируется в словарях, хотя есть весомые аргументы в пользу фразеологического статуса данной единицы: «Это значение – “еда, пища, угощение”, – ввиду его обобщенности, и вторая, переносная его семантическая ипостась – “забота, попечение” – и делают оборот *хлеб-соль* фразеологизмом» [9, с. 347].

Использование другой исконно русской ФЕ тоже отличается нетрадиционностью: «В других сериях они [куклы на картинках в детской книжке] совершали велосипедную поездку в страну бежевых каннибалов или катались на *проглотившем аришин* красном автомобиле тех времен (около 1906 года)...» (с. 75). Устойчивое фразеологическое сравнение *как аришин проглотил* означает человека, который ‘держится неестественно прямо’ [7, с. 361], и включает историзм *аршин* – ‘измерительная линейка... с нанесенными на неё делениями на четверти и вершки’ [10, с. 11]. ФЕ отнесена к неодушевленному объекту (автомобиль) и имеет форму причастного оборота, что усиливает атрибутивность выражения. Но возникает странное сомнение: как автомобиль может держаться прямее при отсутствии возможности менять форму? Думается, что автор увлекся и пожертвовал реальностью ради изобразительности.

³ Это выражение не имеет единой этимологии: его традиционно возводят к седьмой сатире Ювенала, но также допускается самостоятельность возникновения в русском языке образа птицы-альбиноса (см. [6, с. 231–237]).

В автобиографии достаточно оборотов, обнаруживающих замечательную эрудицию автора, которая позволяет ему чувствовать себя в европейской культуре не случайным гостем, а полноправным владельцем ее богатств. Прежде всего это библейские обороты: «...и управляет всем праздником дух вечного возвращения [о памяти], который побуждает меня подбираться к этому столу... не со стороны дома... а извне, из глубины парка, точно мечта, для того чтоб иметь право вернуться, должна подойти босиком, беззвучными шагами *блудного сына*, изнемогающего от волнения» (с. 144). Библеизм *блудный сын*, согласно евангельской притче, означает 'непочтительного сына, ушедшего из родительского дома и вернувшегося после долгих скитаний', а также вообще 'человека, раскаявшегося и вернувшегося к чему-нибудь прежнему после постигших его неудач' [11, с. 50]. Он включается в развернутую метафору-сравнение, характеризующую отвлеченный предмет – мечту. Иными словами, в данном примере налицо нарушение традиционной сочетаемости ФЕ с личным существительным, что воспринимается как некая новация.

Другой библейский оборот употребляется Набоковым при описании портрета дяди Василия Ивановича Рукавишника. В отличие от предыдущего он использован традиционно: «...вижу и очень подвижное между крахмальными отворотцами *адамово яблоко*, и змееобразное, с опалом, кольцо вокруг узла светлого галстука» (с. 62); *адамово яблоко* значит 'то же, что кадык' [11, с. 16]. Автор предпочитает употребить ФЕ, да ещё с библейской отсылкой, для названия малоэстетичного мужского горла.

К библейским оборотам *содом и гоморра* и *Лотова жена* отсылает следующий контекст: «Летом 1929 года, когда я собирал бабочек в Восточных Пиренеях, не было, кажется, случая, чтобы, шагая с сачком через деревушку, я оглянулся и не увидел каменеющих по мере моего прохождения поселян, точно я был Содом, а они жены Лота» (с. 111). ФЕ *содом и гоморра* – 'о крайней безнравственности, распущенности, разврате, царящих где-либо' [5, Т. II, с. 401] – и *Лотова жена* – 'остолбеневший человек' – связаны с легендой о разрушении Господом развратного города Содома, откуда спасся лишь один Лот с семейством, а жена его, вопреки запрету, оглянулась на гибнущий город и превратилась в соляной столб – такова плата за нарушение сакрального запрета [12, с. 37]. Здесь встречаемся с преобразованиями ФЕ, выходящими за рамки структурного и семантического анализа и называемыми фразеологическим развертыванием: от ФЕ сохранились лишь некоторые компоненты, которые ассоциативно напоминают об устойчивом сочетании [13, с. 13–14]⁴. У Набокова топоним Содом соотносится с автором, а крестьяне – с застывшими женами, что создает комический эффект.

Весьма изобретательно обыгран мифологический оборот *Ариаднина нить*: «Дело в том, что соревнование в шахматных задачах происходит не между белыми и черными, а между составителем и воображаемым разгадчиком... а потому значительная часть ценности задачи зависит от числа и качества "иллюзорных решений"... чтобы поддельной *нитью лже-Ариадны* опутать вошедшего в лабиринт» (с. 208). Значение ФЕ *нить Ариадны* – 'то, что помогает найти выход

⁴ Н.М. Шанский этот прием именуется как сохранение общего образа или содержания оборота [14, с. 210].

из затруднительного положения (по имени Ариадны, дочери критского царя Миноса, которая, согласно древнегреческому мифу, помогла афинскому царю Тезею убить полубыка-получеловека Минотавра и благополучно выбраться из лабиринта при помощи клубка ниток) [7, с. 280]. Однако в тексте это выражение приобретает антонимический смысл благодаря эпитету *поддельная* и приставке лже- при антропониме. Появлению такого смысла – ‘то, что запутает окончательно’ – способствует и отсылка к мифологическому сюжету с указанием на лабиринт.

Столь же свободно автор обращается и с фразеологическими латинизмами, причем все они даны в транслитерированной форме, хотя Набокову не составляло труда употребить их на латыни, но он предпочитает русские литеры, то есть «одомашнивает» обороты. «Таким образом, я унаследовал восхитительную *фатаморгану*, все красоты неотторжимых богатств, призрачное имущество – и это оказалось прекрасным закалом от предназначенных потерь» (с. 45). Выражение *Фата-Моргана* происходит от итальянского *Fata morgana* – фея Моргана, по преданию, живущая на морском дне и обманывающая путешественников призрачными видениями, – и имеет значение ‘сложный мираж, при котором на горизонте возникают изображения предметов, лежащих за горизонтом, обычно сильно искаженные и быстро изменяющиеся’ [15, с. 639]. Этот оборот претерпевает семантическую трансформацию и получает контекстуальное значение ‘памятные места в имениях матери’, которое усилено определением *восхитительная* при ФЕ. Но годы эмиграции рассеяли эту *фатаморгану* и превратили родные места в *терра инкогнита*: «Еще в первые годы изгнания моя мать и я могли без труда обойти весь парк, и старую и новую его часть, по памяти, но теперь замечаю, что Мнемозина начинает плутать и растерянно останавливается в тумане, где там и сям, как на старинных картах, виднеются дымчатые, таинственные пробелы: *терра инкогнита*» (с. 114). Буквальное значение данного выражения – ‘неведомая земля’, переносное – ‘нечто неизвестное (в любой сфере), недоступная, непостижимая область’ [16, с. 735]. Семантически трансформируясь в тексте, ФЕ приобретает значение ‘забытая, незнакомая знакомая отчизна’.

Рассмотрим последний транслитерированный фразеологический оборот: «Обобщенный буржуа прежних дней, *патер фамилиас* прежнего формата, вряд ли бы понял отношение к ребенку со стороны свободного, счастливого и нищего эмигранта» (с. 214). ФЕ *pater familias* – ‘отец семейства, глава семьи, глава дома’ [16, с. 574] – выражает ироническое отношение автора к традиционному участию отца-буржуа в воспитании детей.

Следующая группа книжных ФЕ представлена кальками. Оборот *общее место* встречается дважды. Первый раз автор употребляет его в рассказе о любимой гувернантке *Mademoiselle*: «Бедная иностранка чувствует, что замерзает “до центра мозга” – ибо она взмывает на крыльях глупейших гипербол, когда не придерживается благоразумнейших *общих мест*» (с. 87). Словарное значение этой ФЕ – ‘избитое выражение, прописная истина’ [7, с. 245] – вызывает у автора неприятие, что усиливается ироническим эпитетом *благоразумнейшие*. В приведенном тексте также использован оборот *до центра мозга*, который можно назвать русским фразеологизмом во «французской редакции». Он был

преобразован из ФЕ *до мозга костей*, имеющей значение ‘основательно, по-настоящему’ [7, с. 251]. Такая трансформация имитирует иностранную речь, что оправдано при характеристике гувернантки, выражает одновременно и авторскую иронию, и любовную снисходительность к *Mademoiselle*.

Второй эпизод с ФЕ *общее место* еще больше усиливает скептицизм автора в отношении прописных истин: «Вспомним все наши открытия (есть такая *idée requie*: “все родители делают эти открытия”): идеальную форму миниатюрных ногтей на младенческой руке, которую ты [жена] мне без слов показывала у себя на ладони, где она лежала, как отливом оставленная маленькая морская звезда; эпидерму ноги или щеки...» (с. 213). Перевод выражения *idée requie* (общее место) дан в сноске. Здесь это выражение не транслитерировано и не калькировано, а проиллюстрировано в скобках, но последующий контекст опровергает смысл этого трюизма и утверждает единственность и исключительность родительских открытий. Можно сделать вывод, что *общие места* не принимаются Набоковым как таковые в силу того, что они общие, тогда как он утверждает единственность и неповторимость индивидуального впечатления настоящей творческой натуры и созидательного начала индивидуума.

Не менее распространенные выражения вызывают у писателя отчаянное возражение: «*Борьба за существование* – какой вздор! Проклятие труда и битв ведет человека обратно к кабану. Мы с тобой [женой] часто со смехом отмечали маньякальный блеск в глазу у хозяйственной дамы, когда в пищевых и распределительных замыслах она этим стеклянстым взглядом блуждает по моргу мясной. *Пролетарии, разъединяйтесь!* Старые книги ошибаются. Мир был создан в день отдыха» (с. 214). ФЕ *борьба за существование* означает ‘совокупность многообразных отношений и взаимодействий между растительными, животными организмами и окружающей их средой, в результате которых выживают и размножаются наиболее приспособленные к условиям особи’ [5, Т. I, с. 76]. Набоков со свойственным ему скептицизмом жестоко высмеивает дарвиновское учение о происхождении видов в борьбе за существование, называя его вздором, усиливает это впечатление и образ хозяйственной дамы, ведущей подобную борьбу в мясной лавке. Помимо фразеологического оборота научного стиля, этой же цели служит и публицистический лозунг, который приобретает противоположный смысл благодаря замене глагольного компонента антонимом (*объединяйтесь – разъединяйтесь*). В этом обнаруживается ненависть автора к любым человеческим группировкам и утверждение индивидуальной свободы личности как высшей ценности.

Наконец, следует отметить группу словосочетаний с фразеологически связанным значением, в которых остроумно обыгрываются именно связанные компоненты. Знаменитый *черный день* – ‘трудное время в жизни кого-либо, время нужды, безденежья, несчастий (*про черный день*)’ [7, с. 135] – превращается в *серый*: «...так носила она [мать] в себе все, что душа отложила *про* этот *серый день*» (с. 52). Замена атрибутивного компонента другим из той же тематической группы изменяет значение ФЕ на следующее – ‘скромная эмигрантская жизнь’.

Ещё более смело Набоков поступает с выражением *карие очи (глаза)*, где связанный компонент *карий* традиционно означает ‘цвет глаз и масти лошадей:

темно-коричневый' [11, с. 272]. В автобиографии же нарушена связанная сочетаемость данного прилагательного: «...и вот вздохнули и стали длинные *карие* вагоны Норд-Экспресса...» (с. 61), «...пьянеть от вида длинных *карих* романтических вагонов...» (с. 120); углубляет метафору определение прилагательным неодушевленного объекта: *вздохнули карие вагоны*.

Не менее дерзко писатель трансформирует канцелярский оборот *совместное проживание*, в котором *совместное* имеет значение 'осуществляемое вместе с кем-чем-нибудь, общее' [11, с. 767]. В воспоминаниях лексическая сочетаемость прилагательного нарушается вследствие замены существительного *проживание* антонимичным отглагольным именем *прозябание* (*прозябать* значит 'вести жалкую, бедную или бессодержательную, бесцельную жизнь' [11, с. 630]): «Mademoiselle, которой за все время их [её и репетитора Ленского] *совместного прозябания* ни разу не пришло в голову, что Ленский не знает ни слова по-французски, решила...» (с. 100). Это позволяет автору выразить иронию к гувернантке. Можно утверждать, что смелое разрушение традиционной лексической сочетаемости слов является приметой набоковского стиля.

Анализ фразеологии книги «Другие берега» дает возможность сделать некоторые наблюдения. Во-первых, Набоков блестяще знает русский фразеологический фонд, причем извлекает из него фразеологические историзмы, что уместно в мемуарах, с их помощью он возвращает свое российское время. Во-вторых, употребление библейских и мифологических оборотов укрепляет традиционное мнение о Набокове как европейце, космополите, человеке широко образованном. В-третьих, ему свойственно творческое обыгрывание ФЕ, причем если в случае с русскими выражениями он чаще прибегает к структурной трансформации, то иноязычные ФЕ претерпевают семантические метаморфозы, вплоть до приобретения антонимичного смысла (*нить Ариадны*, *фатаморгана*), как особый нюанс следует отметить употребление латинских оборотов в русской графике (*патер фамилиас*, *терра инкогнита*, *фатаморгана*). В-четвертых, некоторые фразеологические обороты сами по себе своим смыслом вызывают возмущение автора, и он иронически их опровергает (*общее место*; *борьба за существование*; *пролетарии*, *объединяйтесь*), что свидетельствует об эмоциональном восприятии Набоковым единиц языка.

Summary

I.V. Kashina. Phraseology in the Memoirs "Other Shores" by V. Nabokov.

The article considers the original style of Vladimir Nabokov, which is reflected in the selection of idioms from the phraseological fund of the language and the methods of their usage and transformation. It is found that the choice of phraseological units depends on their origin, degree of obsolescence and stylistic status. The author's techniques of semantic and structural transformation of the units are identified.

Keywords: phraseological unit, phraseological historism, Latinism, Biblical expression, stylistic coloring.

Источники

НВ – *Набоков В.* Другие берега. Автобиография. Рассказы. Стихотворения. – СПб.: Азбука-классика, 2006. – 413 с.

Литература

1. *Виноградов В.В.* Язык художественного произведения // Виноградов В.В. Проблемы русской стилистики. – М.: Высш. шк., 1981. – С. 238–301.
2. *Макаров В.И., Матвеева Н.П.* От Ромула до наших дней: Словарь лексических трудностей художественной литературы. – М.: Былина, 1993. – 368 с.
3. Толковый словарь русского языка: в 4т. / Под ред. Д.Н. Ушакова. – М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов., 1940. – Т. 4. – 1500 с.
4. *Гете И.В.* Страдания юного Вертера: Роман. – СПб.: Азбука-классика, 2004. – 189 с.
5. Фразеологический словарь современного русского литературного языка: в 2 т. / Под ред. А.Н. Тихонова. – М.: Флинта: Наука, 2004. – Т. I. – 831 с.; Т. II. – 831 с.
6. *Мокиенко В.М.* Почему так говорят? От Авося до Ятя: Ист.-этимол. справ. по рус. фразеологии. – СПб.: Норинт, 2006. – 510 с.
7. Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И. Молоткова. – М.: Сов. энцикл., 1967. – 543 с.
8. *Шулежкова С.Г.* Словарь крылатых выражений из области искусства. – М.: Азбуковник: Рус. слов., 2003. – 429 с.
9. *Мокиенко В.М.* Образы русской речи. Историко-этимологические очерки фразеологии. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 462 с.
10. *Аркадьева Т.Г., Васильева М.И., Проничев В.П., Шарри Т.Г.* Словарь русских идиом. – М.: Высш. шк., 2005. – 228 с.
11. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. – М.: Азъ, 1992. – 955 с.
12. *Грановская Л.М.* Библейские имена. Словарь. – Баку: Рекл.-изд. фирма «Интерсервис», 1995. – 60 с.
13. *Дергилева О.С.* Индивидуально-авторские приемы преобразования фразеологических единиц (на материале художественных произведений М.А. Булгакова): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2009. – 20 с.
14. *Шанский Н.М.* Фразеология современного русского языка. – М.: Высш. шк., 1969. – 231 с.
15. Современный словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1993. – 741 с.
16. *Бабичев Н.Т., Боровский Я.М.* Словарь латинских крылатых слов. – М.: Рус. яз., 1986. – 959 с.

Поступила в редакцию
28.05.14

Кашина Ирина Владимировна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского и татарского языков, Казанский национальный исследовательский технический университет им. А.Н. Туполева, г. Казань, Россия.

E-mail: kair2008@inbox.ru